

Держась обеими руками, чтобы не свалиться, – в прошлый раз, когда он упал, зацепившись за бордюр, была невыносимая боль, он думал, что концы отдаст, но бог миловал, – он прекратил рыться в мусорном баке и поднял голову. Что-то легкое, мимолетное вырвалось из глубин его измятой памяти и с шумом ядовито проскользнуло наружу. Он вздрогнул от каких-то смутных воспоминаний, вызванных этим бурым кирпичным четырехэтажным домом. Опуская взгляд, он почувствовал, что со сменой картины и воспоминания рассеялись как легкий сон. Он продолжил копаться в грудe мусора, скопленного за два дня. Под засаленной тряпкой он обнаружил буханку хлеба, не тронутую человеком, но черствую. Вот это находка! – отозвалось эхо радости в его притупленном, туманном сознании. Хлеб, напомина-

ющий, скорее, холодный кирпич, чем полезную еду, не имеющий запаха, потерявший вкус и свежесть, он положил на сложенные и завязанные стопкой картонки, которые были когда-то коробкой. Во втором мусорном контейнере он обнаружил четверть колбасы, отрезанной ножом, но уже покрывшейся белым налетом. Несъедобно, испорчено, – подумал бы каждый, но не он, – опасно для здоровья. Но разве он думал о том, чего у него давно не было, а ведь ему едва исполнилось двадцать семь лет. Обтерев колбасу рукавом видавшей виды куртки, он положил ее рядом с буханкой хлеба. Он уже собирался уходить, как вдруг увидел что-то блестящее рядом с контейнерным баком. Это была банка с засоленными огурцами, не мутная, с целой крышкой. «Вот будет сегодня ужин!» – подумал он. Собрав свои находки в мятый кулек,

---

Игорь Анатольевич СЕРЕДЕНКО родился в 1971 году в г. Одессе. Окончил с отличием Одесский национальный университет им. Мечникова в 1994 году по специальности математик-прикладник. Является автором более 100 научных статей по философии, физиологии, анатомии, математике, истории, педагогике. Литературным творчеством автор занимается с 2011 года. Автор более 20 произведений, выпущенных издательствами и опубликованных в литературных журналах.

Живет в Одессе.

из которого также воняло, как из самого бака, — но к этой вони он уже привык, — он взял стопку картонок в одну руку, а кулек с едой в другую и, не поднимая головы, осторожно шагая, побрел в направлении Привоза.

Была холодная осень, ледяной ветер, несильный, но пробирающий до костей, безжалостно жалил. Но эта боль заглушалась другой — в ноге, в голеностопном суставе. Поэтому он шел медленно, осторожно ступая. Каждый десятый шаг был болезненным. Причину боли он не знал, но помнил, что этот кошмар начался одним утром, когда он стал на ступеньки лестницы, чтобы сойти вниз. Жил он у самого чердака, возле теплой трубы, греющей ему спину.

Куртка, висевшая на нем как на огородном пугале, была разорвана сбоку и заштопана в двух местах. Она закрывала его исхудавшее молодое тело до бедер; брюки были той же свежести и новизны, что и куртка, широки в талии и разорванные у стопы. Их он подвязывал найденным, как и всё остальное свое добро, в контейнере с мусором пояском. Иногда он удивлялся: зачем это люди выбрасывают подержанную одежду, ведь еще можно было носить.

Когда он появился в молочном корпусе рынка, где людей было больше, чем пчел в улье, пробираясь в толпе толкающихся тел, заглядывая за спины, он исступленно, облизывая губы, поглядывал на свежий сыр и творог, набивающий его ноздри невыносимыми, манящими запахами, от которых он чувствовал безумное желание вцепиться зубами в мягкий, сочный продукт и высмоктать его. Он знал, что здесь ему ничего не дадут, а прогонят руганью и пин-

ками, чтобы он своим присутствием не испугал покупателей, — так страшен он стал. Иногда ему это нравилось, забавляло, ему казалось, что хоть так его замечали, и... он замечал, что все еще существует. Ненужный, незамеченный, но отвергаемый, раздражающий, воздействующий лишь одним своим присутствием. Но все же он каждую неделю любил здесь бывать. Дело в том, что, унося с собой пинки, сопровождающиеся отборным матом и злобными, полными отвращения взглядами, он уносил с собой и те искушающие, сладостные и сочные ароматы свежих питательных продуктов, напоминающих ему счастливые, давно угасшие, призрачные дни.

Вот и в этот раз его выпихнули из рядов, прогнали наружу, пригрозив, что, если он появится еще раз, из его рыла сделают фарш. У входа в молочный корпус на ступеньках сидели бабки, продавая свой или скупленный в селе товар.

Он шел медленно, боясь почувствовать боль в ступне, опускаясь по ступенькам и стараясь никого не задеть. Впрочем, люди и сами его обходили, прикрывая нос рукой, чтобы зловонный запах от молодого человека с кучерявыми темными сбившимися в пучки волосами и длинным, как у цапли, носом не проник в их тела сквозь ноздри, уже впитавшие запахи свежих продуктов. Их пугал сам контраст: от аромата свежести к вонючему, терпкому запаху мужского пота вкупе с высохшей на брючине мочой молодого человека.

Сидящие на ящиках или на смятых, сложенных в несколько раз вещах на ступеньках бабки в оба глаза с жалостью, переплетенной с брезгливостью, смотрели на него, а кто одним глазом, как курицы.

– Иди, иди, быстрее! – сказала одна полная женщина лет сорока пяти, поправляя зеленые яблоки в деревянном ящике, стоящем перед ней. – И не думай останавливаться, – пригрозила она ему.

Ее соседка поддержала ее слова, звонко рассмеявшись молодому человеку в спину, когда тот осторожно сходил с последней ступеньки.

– Ишь, вылутился!

Третью женщину он тронул своим видом, и хоть она испытывала тревогу, когда он приблизился к ней, взяла из корзины красное яблоко и молча протянула ему. Он поднял руку, и из широкого рукава вылезла белая исхудалая кисть, схватив костлявыми пальцами яблоко. Наклонился, тихо пропищав:

– Спасибо, бабуленька.

Уже на выходе из Привоза, какой-то армянин, торговавший бананами, сунул ему в карман куртки два небольших банана, чуть тронутых чернотой.

Бананы оказались довольно вкусными, он съел их и яблоко по дороге домой. Шел он по лужам – остатки ночного дождя, не стараясь обойти их, ступая, словно их и не было.

На четвертом этаже, где тускло светила одна лампочка, под самой крышей, в углу, где проходила теплая труба, он разложил картонки, служившие ему постелью, вынул из кулька свой скудный ужин. Из кармана достал старый раскладной ножик. Промучившись с банкой огурцов, он все же открыл ее, проделав в крышке с десятков дырок и вывернув ее содержимое наружу – саму крышку он снять не смог.

Буханку хлеба, ставшую по твердости не мягче дерева, он положил в вырезанную из пластиковой бутылки емкость, служивую

ему посудой. Из кошачьей мисочки, обнаруженной им на третьем этаже, из которой пил уличный кот, нашедший приют в этой же парадной и обласканный жильцами, он перелил в свою посуду остаток воды, залив хлеб. Эту емкость с хлебом и водой он положил на теплую трубу, рядом с собой, чтобы хлеб размяк.

Затем он высосал сок из банки с огурцами, высосал нарезанные дольками кусочки колбасы, проглотив некоторые, по неосторожности, почти целиком. Спустя некоторое время, когда за небольшим квадратным окном он услышал стук дождя, а по сточной трубе с крыши зашуршал, а потом забарабанил поток стекающей воды, он стал отрезать перочинным ножиком ломти хлеба, съедая их вместе с солеными огурцами, вынутыми ножиком из отверстия в крышке стеклянной банки.

Утолив голод, к которому невозможно было привыкнуть, он снял дырявые мокрые кроссовки и положил их на трубу. Подвинул ноги с мокрыми от луж брючинами к теплой трубе, лег на бок, подложил руки под голову и заснул.

Снов он уже давно не видел. Он просто засыпал, проваливаясь в пустоту, а потом внезапно возвращался из нее, не осознавая, где ему было лучше – в безмятежном мраке презрения и голода (где лишь одиночество было его верным другом) или пребывая в блаженном забвении. А бывали дни, когда он не мог себе позволить и этой малости – заснуть. Такие ночи он ненавидел, ибо чувствовал невыносимую боль внутри себя, то ли из-за голода, тянувшего кишки, закручивая их в морские узлы, то ли из-за подозрительной, нездоровой пищи, разьедавшей желудок изнутри, царапая

и кусая молодую плоть. И только бы не зубная боль, острыми волнами бьющая по мозгу. Тогда приходилось бить себя по скуле, пытаясь заглушить жуткую боль другой болью. Но в эту ночь он уснул легко,

и, как ему показалось, в своей пустоте, где он пребывал во сне, где он был не один – какой-то угрожающе бледный, неясный, холодный луч скользил вокруг него, перемещаясь по причудливой траектории.

2.

День был хмурый, холодным и не таким удачным, как вчера. Уже темнело, когда полуголодным, – проглотив на ходу то, что он выудил в альтфатере, – промерзшим, он вернулся к дому, где был его ночлег. Подойдя ближе к самой двери, в полумраке он не сразу понял, что дверь новая, металлическая, с кодовым магнитным замком. В других парадных он уже бывал, – гнали жильцы. Лишь здесь было тихо, соседи мирные. Он побрел на остановку, просидел там, прижимаясь к картонной стопке более часа. Появился троллейбус, он вошел и сел сзади, пассажиров было мало. Вынул из кармана рекламную газету супермаркета, раздаваемую бесплатно в магазине, – все, что он там приобрел, не считая нескольких одноразовых зеленых кульков, которые потом надел на обувь, когда шел по лужам. Кульки оборвались, и их унес ветер, а рекламная газетка осталась. Он развернул ее и стал читать. На самом деле он прикрывался ею, чтобы пассажиры не разглядели в нем бомжа, не испугались и не прогнали его. Вскоре к нему подошла кондуктор. Он положил газету и стал рыться в кармане, девушка терпеливо ждала, внимательно оглядывая его. Наконец он вынул надорванную, смятую гривну, которую нашел на дороге, недалеко от студенческого общежития. Девушка взяла гривну, повертела ее и положила

рядом на сиденье. Несмотря на то, что проезд стоил три гривны, а не одну, девушка ничего не сказала, молча дала ему билет и удалилась.

Он вышел у железнодорожного вокзала, оставив на сиденье газету, которую подобрала кондуктор. Когда троллейбус отъезжал, она все еще каким-то грустным взглядом провожала его. Он скрылся в подземном переходе. Здесь он увидел нескольких бездомных мужчин, просящих милостыню. На выходе подрабатывали музыканты, фальшиво играя на гитаре. У входа на вокзал он встретил еще одного бездомного, вошел внутрь. Здесь было тепло, сухо, блаженно, как ему показалось. Скамеек здесь почему-то не было, они все размещались на втором этаже, куда вход был платным и охранялся. Он вспомнил, что когда-то скамейки были внизу, и на них можно было посидеть совершенно бесплатно. Человек всё прибирает к рукам. Бесплатно было на улице, но там было холодно, а он продрог до самого костного мозга. Он расположился в темном углу, рядом с нерабочим автоматом, где в витрине лежали жестяные банки с газированной водой и шоколадки. Подстелив под себя стопку картонок, которые всегда носил с собой, он сел и прислонился спиной к стене.

Он не помнил, сколько так просидел в полудреме. Но когда открыл глаза, то увидел рядом с собой развалившегося у стенки,

как и он, молодого парня лет восемнадцати, нехудого, с фингалом под глазом. Сосед, завидев, что он проснулся и смотрит на него, приятно улыбнулся. У бедняги не все зубы были на месте, чернело несколько дыр в верхнем ряду и одна в нижнем. Но настроение у него было веселое.

– Ты кто? – спросил незнакомец.

Он молчал, не решаясь ответить, ведь он не привык общаться с незнакомыми людьми и даже побаивался их.

– Чего молчишь? – спросил парень, вынимая сигареты из куртки. – Огонек найдется?

– Я не курю, – робко ответил он.

Тогда парень с неохотой поднялся, – видимо, он давно устроился рядом, – и ушел, держа сигарету между пальцев. Спустя минуту он вернулся, держа дымящуюся сигарету в зубах. Сел на прежнее место, сделал затяжку, вынул газету, подвигал языком во рту, надувая щеки, словно выковыривал языком застрявшие кусочки пищи из полугнилых зубов.

– Я тоже когда-то не курил, – сказал парень, желая продолжить общение. – Теперь бросить не могу, привык, он втянул дым и выпустил струйку дыма наружу. – Без этого не могу. Это, если хочешь, единственное утешение, не дурманящее мозг. Алкоголь и сигареты – только это спасает. Первое согревает, второе помогает забыть, кто ты есть, – он немного помолчал, оглядывая людей в зале, потом сказал:

– Меня зовут Тимоша, а тебя?

– Женя.

– Женя! – удивился Тимофей.

– Что за женское имя, бабское.

– Ничего не бабское, – возразил он. – Евгений.

– А-а! Евгений. Это лучше. Ты один, Евгений? Я тебя здесь раньше не видел.

Евгений пожал плечами.

– Вижу, что один, – сказал Тимофей. – Здесь нельзя быть одному.

– Почему?

– Заступитья некому будет, а так – верное плечо товарища. Что смотришь? Я сразу понял, что ты один. Не бойся, я безобидный. Это мой район, самый клёвый.

– Ты здесь ночуешь? – спросил Евгений.

– Что, здесь?! – удивился, звонко рассмеявшись, Тимофей. – Нет, я живу, как все люди. Есть постель, крыша, душ. Моемся раз в неделю. А вот от тебя несет за квартал. Так я и подумал, что ты один.

– Значит, у тебя есть квартира?

– Нет, мой дом сгорел, вместе с моим отцом, а матери я своей не помню, она оставила меня ему и исчезла. Я жил в селе Карпово. Теперь перебрался в Одессу. Там совсем было худо, а здесь людей много.

– Ты сказал, что у тебя есть крыша.

– А, это. Ночлежка, рядом со сквером Гамова, знаешь? – он посмотрел на Евгения и по глазам понял, что он не знает. – Хочешь, пойдем вместе, я тебя устрою там. Будет у тебя койка и пара болтливых соседей. Нас в комнате четверо, в других комнатах по шесть и более.

– Хорошо, пойдем, – ответил Евгений, чувствуя боль в животе. Это был голод, скручивающий его кишки.

– Ты из молчунов. Мне такой напарник подходит. Я много говорю, а ты любишь слушать. Да?

Они встали, Евгений взял свою картонную поклажу, Тимофей – засаленную широкую спортивную сумку, повесив ее на плече.

– Ты прав, Тимофей.

– На счет чего?

– Я люблю слушать.

Ночлежка располагалась на улице Циолковского. Уже совсем стемнело, когда они подошли к дому.

У входа на лавке сидели трое мужчин и одна женщина. Судя по голосам, все четверо были подвыпившими.

– О, Тимоша! – воскликнула женщина, поднимаясь и освобождаясь от липких мужских рук.

– Да сядь ты! – рявкнул мужской пьяный голос. – Холодно без тебя.

Но женщина с синим опухшим от частого приема алкоголя лицом вывернулась от мужчины и, шатаясь, подошла к Тимофею.

– Вот, вот, кого я люблю, – бросила она сидящим пьяницам, не оборачиваясь.

Женщине было лет тридцать пять, но выглядела она, – алкоголизм уродует лицо, делая в нем преждевременные морщины, – на лет сорок пять, а то и пятьдесят. Она обняла Тимофея, он не сопротивлялся, и стала его целовать, сначала в щеки, потом в губы. Тимофей не отстранялся, а, улыбаясь, с опаской поглядывал в сторону мужчин.

– Вот шлюха! – сказал один пьяный голос.

– Таковы все бабы, – добавил другой. – А ну, поцелуй его по настоящему.

– Да ты что? – возразил первый. Женщина, по-видимому, была ему небезразлична.

– Да пусть целует.

И женщина, уже не первой свежести, с запашком изо рта, прижала свои сухие, ватные, синюшные губы, как у покойника, к юным розовым устам молодого человека.

Поцелуй был долгим. Ревнивый мужчина хотел было встать и прервать эту идиллию, но его удержали собутыльники, усадив на место.

Наконец губы разомкнулись.

– Ну, как, хорошо целуется? – спросил один из мужиков лет сорока.

– У него сладкие губы, – ответила женщина, на сером лице которой появилось удовлетворение, граничащее с иступленным наслаждением.

– Да, – добродушно подтвердил Тимофей, широко улыбаясь, – у меня сладкие губы.

Услышав эти слова, женщина вновь обняла молодого человека и впиалась своими жесткими челюстями и шершавыми губами в рот Тимофея, словно высасывала из него небесный нектар юности.

Ревнивец все же освободился от приятелей и уволок женщину на скамейку, усадив ее рядом с собой.

В вестибюле дома ребят встретил вахтер – полная, краснощекая женщина с крашеными рыжими волосами.

– Привет, тетя Варя, – сказал Тимофей, приветливо улыбаясь. Он еще не отошел от поцелуя. Чувствовал себя скверно, но виду не подавал.

– Добрый вечер, – сказал Евгений. Его нога ныла от утомления, и он одной рукой держался за стол, за которым сидела женщина.

– Я – Варя – для своих, – строго ответила она Тимофею. Но, по-видимому, ответ был для Евгения.

– Он со мной, – сказал Тимофей.

– У нас мест нет, – возразила женщина, она была настроена решительно. Ее взгляд коровьих глаз впился в пальцы Евгения. Молодой человек почувствовал неловкость и зубрал руку со стола.

– Тетя Варя, есть у нас места, – возразил Тимофей. – Два дня назад пять человек выписалось.

– Срок у них подошел, вот и ушли. Ты же знаешь, не более трех месяцев. Этого достаточно, чтобы найти работу и жилье. Закон такой.

– Хорошо, отлично! Три месяца... – обрадовался Тимофей, поглядывая на Евгения.

– А документы у него есть? А справка из диспансера? Нам тут большие не нужны, – возразила Варя.

Тимофей поглядел в глаза Евгения, тот сдвинул брови и незаметно покачал головой.

– Неужели вы... – обратился Тимофей к Варе, видя, что возразить нечем, – вы такая милая, добрая женщина...

– Этим меня не возьмешь... и жалостью тоже, – добавила она.

– Мне бы на ночь, – пробубнил Евгений, глядя на Варю парой больших карих глаз.

Женщина задумалась, она не решалась.

– Ну, пожалуйста, – протянул Тимофей. – А я вам пол вымою, хотите?

– Чистоту наводить, убирать – это вы обязаны. Это ваш дом, хоть и временный, – она еще раз взглянула на Евгения.

Тимофей смотрел на Варю, как на икону Божьей матери, с надеждой.

– Ладно, но на ночь, и пусть... пусть помоеется, а то воняет, – сказала Варя. – Кровать и постель я не могу дать, так что забирай его к себе.

Комната показалась Евгению пятизвездочным отелем. Он уже давно не знал уюта, постели, душа.

Смыв с себя всю грязь, без мыла, – его не было, – но тщательно потерев тело руками, куда

доставал, босиком, делая следы в коридоре, – душ был общий и находился в конце коридора, – вернулся в комнату.

Трое соседей спали на койках, повернувшись к стене, один из них уже храпел. Тимофей уступил Евгению свою койку.

– Это всего на ночь, видел ее, такая больше не пустит, – сказал Тимофей.

– А ты как же?

– А я на полу, – он взял одеяло и стал стелить его на пол, – вот только одеяло возьму, а то жестковато будет.

Несмотря на храп, – ночью к первому исполнителю присоединились еще три басистых голоса, – Евгений уснул. Впервые за долгое время он выспался, даже боль в животе прошла. Его разбудил громкий мужской голос в коридоре.

– Я пришел сюда жить!

В этом голосе Евгений узнал Тимофея.

– Чтоб духу вашего не было! – кричал другой голос более злобно.

Дверь распахнулась, и вошел Тимофей. Трех мужчин, что храпели ночью, уже не было, кровати были застелены. Евгений виновато встал и сел на койке, собираясь уходить.

– Это из-за меня, – сонным голосом сказал Евгений.

– Нет. Но я вчера пообещал им помыть пол. Теперь они заставляют.

– Давай я помою, – предложил Евгений, поднимаясь.

– Еще чего! Это они заставляют. Нам государство дало ночлег, а убирать нас не обязывало. Это они сами придумали. Ни за что. Уходим. Надоело мне здесь. Если не сегодня, так завтра, какая разница.

Они спустились в переход на привокзальной площади и шли мимо ларьков, где продавали сувениры. На одном из прилавков были выставлены чашки, одна из них была сделана в форме голой женщины с большими грудями и двумя розовыми сосками. Евгений спросил Тимофея:

– Ты что-то испытывал к ней?

– К кому?

– Ну, к той женщине, которая поцеловала тебя. Ты любишь ее?

– Да ты что, конечно, нет, – с удивлением ответил Тимофей.

– Но вы так... – он не знал, как сказать, и Тимофей, видя, что Евгений сконфузился, сказал вместо него:

– Так жарко и сладостно?

– Да, так.

– Женя, любви не бывает. Это я на своем примере знаю. Она может обжигать тебя, бить, жалить, даже уничтожить.

– Кто?

– Любовь. А разве ласки, тепло, нежность могут желать плохо, делать тебе больно?

Евгений задумался.

– Вот видишь, и ты думаешь, не уверен. Есть лишь божественная, неземная любовь, но... я ее не встречал, да и всякий человек ее не видел, – уверенно сказал Тимофей.

– Но раз ты знаешь о ней, значит, она существует.

– Он, наверное, наказал нас этим.

– Кто?

– Бог. Кусочек показал, а всю часть скрыл от нас, чтобы мы мучились и понимали, что потеряли когда-то или... – он задумался, – что приобретем, если будем верить в него.

– Как это – верить?

– Не грешить, – ответил Тимофей, поднимаясь по ступенькам и выходя из подземного перехода в сквер, расположенный перед железнодорожным вокзалом.

Когда-то в этом сквере, в форме круга и с фонтаном посередине, отдыхали приезжие, ожидавшие прибытия своего поезда, теперь же сюда не заходят даже горожане. Дело в том, что последние годы здесь стали собираться бездомные люди. Они объединялись в группы, ели здесь, ночевали. Сначала раз в неделю, а потом и значительно чаще сюда одна благотворительная организация стала привозить еду для бездомных бродяг. Люди привыкли к этой кормушке и начали селиться в сквере. Появились матрасы, одеяла, кипы старых вещей, картонки – все, что могло пригодиться для человека, не имевшего жилья. Полиция стала разгонять большое скопление людей, но это оказалось бесполезной затеей, – люди приходили вновь и вновь, как собаки, знающие, где их накормят, и не рассчитывающие на ласку.

Тимофей привел своего товарища в одну из таких групп. Их было восемь человек. Здесь были и женщины, и старики, и молодые люди. Всех их объединяло... нет, не горе, не голод, не безделье, не нищета, ибо все эти несчастья могли произойти и происходили с каждым человеком. Их объединяло чувство свободы. Но не той свободы, о которой мы обычно говорим или вспоминаем, когда видим американскую статую Свободы. Эта свобода отличается от известной нам. Она является ее отражением в кривом зеркале, ее сестрой, уродливой, злобной, ее проклятием, ее копией в аду.

– Я – свободный человек, – заявил один пожилой мужчина, во рту которого были считанные зубы, да и те гнилые. Он закурил окуроч, который подобрал где-то, сделал затяжку и выпустил облако дыма, от которого Евгению, не курившему ни разу, стало не по себе.

– Что хочу, то и роблю, – продолжил он, почесывая живот. Он сидел на смятом, рваном одеяле со скрещенными ногами, оперевшись спиной на ствол дерева. – Кто мне возразит? – он оглядел собравшихся, все молчали. – Не можете.

– А квартира, дом? – возразил рыжеволосый молодой человек лет двадцати девяти, также куривший.

– Квартира, дом... – ответил пожилой мужчина. – Бог отнял это у нас. Так ведь? Так! Значит, это ненужная вещь. У меня есть все, что мне нужно.

– Но полиция может отнять это, или кто-то...

– Пусть отнимает, – вновь возразил пожилой мужчина. – Но ты меня не понял. Я имел в виду не это рванье, на котором мы сидим или носим на себе весь день.

– А что же? – спросила женщина лет тридцати пяти, поглаживая рыжеволосого молодого человека по спине, от чего тот успокаивался.

– Вот, – он провел рукой по кругу, – все это.

– Не понимаю, – ехидно улыбаясь, сказал рыжеволосый.

– Весь мир, вся эта природа, что окружает меня. Вот мое богатство. Пусть отнимут его у меня.

– А если тебя вышвырнут из сквера, скажем, что тогда?

– Я найду другой сквер, – ответил пожилой мужчина, выбрасывая окуроч. – Так-то вот. Они не смогут отнять у меня этот мир. Потому что он огромен. Куда захочу,

туда и пойду. Что захочу делать, то и буду. Вот моя свобода. А вот они все, – он указал на дома и машины, припаркованные вокруг сквера, – они не свободны, они рабы привычек, вещей, работы, семьи, законов. Понимаешь? Они все – рабы.

– А попы? – спросил какой-то мужчина лет пятидесяти, лысый, долговязый.

– И они рабы, рабы своей веры. Эти святоши сами создали рабство – для своей головы. Называют его верой. От нее они не уйдут.

– А смерть? Смерть может забрать твою свободу, – спросил Тимофей.

– А что есть смерть? Ты ее видел?

– Много раз, да и нас она не пропустит, – сказал Тимофей, ложась на бок.

– Ты видел холодные трупы, а не смерть. Смерть – это конец жизни, ее финал и переход от бытия к небытию, к пустоте. Но скажите, кто из вас видел эту пустоту, бывал хоть раз в ее чреве? Я говорю о вашей смерти, о вашем ощущении пустоты или небытия.

– А что там?

– Там нет бытия, нет насилия, нет несправедливости, там все равны, все голы.

– А наше рождение как же? – спросил рыжеволосый.

– Мы появляемся из этой пустоты в мир бытия, в этот свиарник вонии и разврата. Сперва мы чисты, как ангелы, словно белое полотно, которое никогда не знало грязи. И в нем, и в этом бытии мы вдоволь, словно черви, купаемся. Каждый мнит себя великим, значимым, богом, хочет оставить после себя что-то стоящее, долговечное. А на самом деле, мы можем оставить лишь свой вонючий прах. Да и этот ненадолго, ведь надо

уступать место другим. Все хотя бы побывать в этой зловонной свалке счастья.

Все рассмеялись, молчал лишь Евгений, уставившись на проезжающие мимо машины, старающиеся втиснуться в полосу дороги, сигналив соседям, мешавшим проезду в этом столпотворении.

– Они слепы, – продолжил этот пожилой философ, – они глухи и бесчувственны, ибо только слепой не видит бескрайнего простора этого мира, глухой не слышит его удивительных звуков, и бесчувственный не ощущает прелести бесконечных причудливых сплетений наших чувств. Я в этом себе не отказываю. А они все, стоит им пожелать купить машину, телефон и прочее, стоит им захотеть стать начальником, занять чье-то место, захотеть быть лучшим, обойти других или управлять всеми, как они становятся рабами, теряют свободу. Вот почему я свободен, а они – нет.

– Я тоже хочу быть, как и ты, свободным, – сказал молодой парень лет пятнадцати, смотревший на пожилого мужчину, как на святого, большими зелеными глазами.

– Это, Славик, может себе позволить каждый, но не каждый может сохранить эту свободу. Недавно я в одной из газет прочел статью о японском миллионере.

– А что он сделал? – поинтересовалась женщина.

– Он продал одну часть своих акций и раздал деньги в благотворительные фонды, не требуя, чтобы те упоминали где-либо его имя. Он совершил этот поступок, освободившись от рабства наполовину. Другой миллионер подарил каждому жителю деревни, где когда-то жил, новый дом. Таких людей достаточно в мире. Они смогли это сделать. Но и они до конца не свободны.

А есть и такие, которые после своей смерти помогают людям, создавая еще при жизни благотворительные фонды, поддерживающие людей уже многие десятилетия.

В полдень вся эта веселая компания разделилась по группам: в парах или по тройкам. Евгений и Тимофей были вместе. Все эти группы должны были весь день ходить по определенным участкам – у каждого свой, собирать вещи и еду, просить милостыню, вечером они должны были собираться в сквере, сбросить все, что нашли, в один общак и разделить между собой, затем поужинать с общего стола и лечь спать, завернувшись в свои лохмотья.

Евгений и Тимофей сначала зашли на Привоз, там всегда можно было чем-то поживиться. Не каждый мог прогнать или быть бесчувственным, видя бездомного – жалкое существо, подошедшее к тебе и тоненьким просящим голоском молящего тебя о мелочи, способной помочь ему.

Так Тимофей легко перевоплощался из говорливого, прямолинейного парня в жалкое, слабое существо, просившее о помощи.

– Бабушка, дай сальца кусочек, – он сложил ручки у груди, словно песок, ставший на задние лапки, и тоненьким дискантом, с жалостными глазами умирающего вымаливал у очередной старушки, придерживающей большой шмат сала, колбасы, отборного красного мяса, – так, на всякий случай, чтобы его не стащили эти оборванцы.

Евгений же в противоположность товарищу казался равнодушным. Но его выдавало волнение. Глаза Евгения бегали по прилавкам, словно просили о милосердии. Но он маскировал это, сдвигая брови, морща лоб, будто думал

о чем-то важном. На самом деле, его съедали два качества человека, которых не было у Тимофея, легко принявшего бродячий образ жизни, который ему был знаком и привычен еще с детства. Евгений был воспитан в благородной и культурной семье, его манеры не позволяли ему просить. Люди, если сжалились, глядя на него, то могли ему сами дать что-то. Поэтому он часто голодал, в отличие от Тимофея, способного прикинуться жалким и без угрызения совести просить подаяния.

Гордость и культура воспитания останавливали Евгения перед чертой, за которой находилась свобода, о которой говорил Тимофей, считавший свободу буквально, то есть во всем, даже в измене своим привычкам. «Человек может меняться, как вода или ветер. Им управляет нужда», – говорил Тимофей, когда они шли по улицам в направлении к морю, проверяя по пути контейнеры с мусором.

– Ничего, свыкнешься, – сказал Тимофей, махнув рукой. – Все просят, даже банкиры. Да я бы все от-

дал, чтобы побыть им хоть годик.

– Кем? – спросил Евгений, думая о своем.

– Банкиром. Это самые везучие люди. Живут в тепле, удобстве, разъезжают в джипах, летают на острова, где отдыхают с женщиной. Не жизнь, а рай.

– Ты банкиром не сможешь стать, у тебя нет образования, – возразил ему Евгений, думая о море, к которому они шли.

– А вот и смогу. Я слышал, что один американский бездомный оказался миллионером. Открыли это, когда он умер на скамейке в сквере. У него был банковский счет. Он собирал деньги, как и я, складывал их, вкладывал собранные суммы в акции компаний, те росли, продавал, вновь вкладывал. Так и стал миллионером.

– Как же он разбирался в акциях?

– Из газет, смотрел статистику. Знаешь ты об этом, слышал?

– Слышал, – ответил Евгений, с улыбкой поглядывая на стопку найденных газет, которые Тимофей нес в рваном кулке.

4.

Когда они подходили к пляжу Лонжерон, начинало темнеть. Над темно-синим горизонтом моря повисла оранжево-алая полоска. Солнце спряталось за склон, и тени деревьев уже подползали к воде, то стремительно набегавшей на песчаный берег, то медленно сползавшей, шипя и пенясь. На небе стали появляться одинокие звезды.

Тимофей сидел на морском камне, врытом в песок, и разбирал газеты, проклиная, что у него нет в руках хоть огрызка карандаша. Евгений же стоял на краю каменного причала и, казалось, к чему-то

прислушивался. Его глаза были закрыты, а уши улавливали мелодии прибора. Невидимым взором он видел в своем сознании красочные картины природы, меняющейся в своих метаморфозах в формах, звуках и цвете. Его богатая фантазия переводила многообразие природной стихии, ее контрастов и удивительных перевоплощений в причудливую гамму небесной музыки, в божественные ноты, которые мог увидеть, почувствовать лишь незаурядный человек. Он объединял эти необычные музыкальные тона в небывалые

гармоничные сплетения, где царствовала лишь музыка, отражающая в себе, подобно электричеству, всё сущее. Верхними нотами, бесконечно тонкими и изящными, были краски, утонченность звезд и небесных светил, далеких галактик и разноцветных полупрозрачных, нежных туманностей; нижними нотами были красoty земной природы, ими служили земля и океаны; средними нотами были дождь и ветер. Среди многообразия возможностей он различил едва уловимые, невидимые природе, ибо она слепа к страданиям человека и вселенной, ибо ей непонятно участие людей в вечности, тончайшие нотки людских страстей, переходящих порой в бурю эмоций и по силе не уступающих другим нотам и звукам, потому что они являются центром мироздания, его прекрасной жемчужиной, хоть и незаметной, тихо стучащей формой, напоминающей человеческое сердце, неутомное и способное к отражению невидимых самых тонких и самых крупных изменений.

Фантазируя это в своем сознании, он невольно покачивался в такт той тонкой, изящной мелодии, которую уловил и вывел из темных уголков мозга, а его тело трепетно содрогалось, подобно морской пене, хранящей в себе тайны природы, а кончики пальцев слегка подрагивали той дрожью, которая порой бывает у людей, открывших для себя невидимое, потаенное, скрытое заурядному человеку, — он боялся потерять эти звуки мелодий, рожденные в его голове.

Евгений вспомнил слова пожилого философа о свободе. Да, он тоже чувствовал свободу, но она была иная, отличная от тех двух, о которых так хитроумно рассказывал пожилой мужчина.

Это была свобода, которую не каждый мог увидеть и почувствовать, так как для этого надо обладать не силой над материей, не могуществом над желаниями. Для того, чтобы испытать и почувствовать хоть крупицу такой свободы, надо было окунуться в невидимое, погрузиться в беззвучное, проникнуться в то, что нельзя потрогать, потому что эта свобода — есть пустота, находящаяся за гранью материального мира. Такая пустота или тишина, как ее определил сам Евгений, есть в мироздании самое ценное, ибо его нет, как нет абсолютно пустых объемов, где не было бы материи. Материя всегда стремится заполнить пустоты собой, она — извечный соперник ей, стремящийся подавить своего конкурента, съедаемая завистью к чистому, свободному пространству, где нет грязи и хаоса, присущего материальному миру.

Теперь Евгений знал, что она существует, что он счастлив, потому что поймал тот миг, когда он мог почувствовать ее. Но хоть он и определил ее, все же не прикоснулся к ней, и это его огорчало. Теперь больше всего на свете он желал объединиться с открытой им свободой. Раз уловив, он не отпустит красочную нить ее, и когда-нибудь он обязательно распутает этот волшебный клубок тайны, а может, и сплетет из этих божественных нитей свою последнюю мелодию. Теперь он готов был отдать за нее единственное, что у него было, — жизнь, лишь для того, чтобы на мгновение прикоснуться к ее нежной, невидимой, невесомой ткани.

Поздним вечером они вернулись к Привокзальной площади, где присоединились к группе таких же бездомных, как и они, чтобы дополнить вечерний пир своими

находками, а потом лечь спать, укрывшись грязным, вонючим тряпьем, словно стадо диких обезьян, не знавших иной жизни.

На следующий день Тимофей, вдохновленный какой-то идеей, повел друга по заранее спланированному пути.

– Я знаю лучшие места, – сказал он Евгению.

– Ты о чем? – спросил, не понимая, Евгений.

– Теперь мы не будем время зря терять. И как это только я раньше не догадался, вот голова – арбуз. Мыслей много, а полезных идей мало. Мы с тобой, Женя, теперь начнем зарабатывать и собирать все наши труды.

– Что ты имеешь в виду?

– Будем копить наши средства. Так и разбогатеем.

Нельзя сказать, что Евгений не понял, он просто не знал, зачем это, для чего, как может быть ему полезным. Но предприимчивого и подвижного Тимофея уже трудно было сдвинуть с цели, и Евгений молча следовал ему, как когда-то верил матери и слепо ей подчинялся. Слабому человеку в этой суровой жизни всегда нужна твердая и уверенная рука.

– Я уже все продумал, – сказал Тимофей, когда друзья подходили к мусорному баку, – сперва будем собирать бутылки, курить и пить я брошу, незачем тратить на пустое. Теперь нам понадобится крепкое здоровье, ведь работы будет много. Ты согласен?

– Да, Тимоша, – безучастно ответил слабовольный Евгений. – А на что мы будем тратить?

– На что?! – удивился Тимофей.

– Да, что мы купим, когда разбогатеем?

– Да ни на что, – уверенно сказал Тимофей, вынимая из альтфа-

тера большой, старый, облитый чем-то вонючий черный кулек и вытряхивая из него мусор. – За полученные деньги мы купим еще денег.

– Как это? – спросил Евгений, вынимая из соседнего бака две недопитые бутылки и выливая содержимое на землю.

– Мы сдадим их в банк и будем получать проценты.

– А потом?

– Когда денег соберется достаточно, мы снимем всю сумму и вложим наш капитал в какой-нибудь бизнес. Теперь понял?

– Не совсем.

Тимофей, расстроенный тем, что Евгений не понимает или не хочет понимать, посмотрел сердито на друга, собираясь сказать ему какое-то оскорбление. Но тот определил его.

– Чтобы оформить счет в банке, надо иметь паспорт.

– Черт, я забыл об этом. Но это не беда. Я его получу. Скажу, что мой спёрли, и получу новый, – он немного подумал, – и ты тоже. Ведь мы компаньоны.

Последнее слово понравилось Евгению, и он улыбнулся. Тимофей, увидев, что его товарищ улыбается, – а значит, он все понял, подумал Тимофей, – ответил ему дружеской щедрой улыбкой, оголив два ряда редких желтых зубов.

Найдя несколько кульков и засаленных сумок, они стали собирать бутылки. В сумки они складывали стеклянные бутылки, а в кульки – пластиковые, предварительно смяв, чтобы больше поместилось в кульки. Сумки были значительно тяжелее, их они несли поочередно. Две бутылки выпали из дыры в сумке, которая не выдержала и дала слабину, разорвавшись. Пришлось искать ей замену. Оба под вечер устали так, что тела

не слушались, часто делали передышку. Двигало ими лишь неутолимое желание Тимофея поскорее заработать, обменять найденное или добытое тяжелым путем на денежные средства. Так, падающие с ног, шатающиеся, не чувствующие своих конечностей, голодные и озьявшие с головы до кончиков пальцев друзья доковыляли до пункта приема посуды.

Женщина, работающая на приеме, полная, низкого роста, с крикливым и недовольным голосом, велела им все выложить на прилавок. Друзья переглянулись. На их утомленных лицах было видно недоумение.

– Зачем? – спросил, еще не восстановив дыхания от ноши тяжести по ступенькам, Тимофей. – Они все сложены, не удобней ли будет...

– Нет, не будет! – противно завизжала женщина. – Я не доверяю таким, как вы. Больно хитрые у вас морды. Стекла ваши могут быть побиты или с царапинами. Зачем мне такие. Да и всякую посуду мы не принимаем. Вчера один из ваших додумался налить воду в бутылки и, гад, замаскировал ее, думал, что я полная дура и не догадаюсь.

Друзья молча стали выкладывать бутылки на стойку. Спустя пять минут, когда женщина все приняла, взвесила, она выложила на стойку деньги.

– Как, всего двенадцать гривен? – удивился Тимофей.

Женщины в окошке не было. Тогда Тимофей повторил настойчиво вопрос. Послышались шаги, и в окошке появилась недовольная, раздраженная приемщица. Щеки ее покраснели, а глаза заблестели.

– Читать умеете?!

– Что читать? – недоуменно спросил Тимофей.

Но женщина не ответила, ее возмущение так вскипело, что слова задохнулись, не вылетев из своего раздутого дупла, и она молча захлопнула оконце. Раздался лязг металла – движение засова.

– Что, закрыла?! – послышался пьяный, недовольный голос позади друзей. Они обернулись. – Вот сучка, чертова ведьма! – захрипел старик.

– А что случилось, почему она закрыла? – спросил Тимофей.

– Время ее работы в этой избушке на курьих ножках подошло к концу, – лениво пояснил недовольным голосом старик. В его руке была бутылка с какой-то белой жидкостью.

– Что, мало дала? – спросил старик, когда ребята поднялись по ступенькам из темного вонючего помещения, – эта чертова ведьма...

– Всего двенадцать гривен, – ответил Евгений.

Услышав слова о деньгах, старик просиял. На ребят смотрел черный открытый рот с двумя зубами.

– Здесь, рядом, – сказал старик, – пошли, всем будет. Я договорюсь. Недорого.

Недовольный Тимофей тем, что так мало получил, и утомленный, ничего не осознающий, а лишь увлекаемый общим течением жизни Евгений слепо пошли за стариком. Каждый думал о своем: старик – еще выпить стаканчик технического спирта, который разливали, не скупясь, в наливайке, Тимофей размышлял над тем, где он дал осечку в своем плане – стать миллионером, как его американский коллега, а Евгений просто хотел спать и где-нибудь согреться.

Через минуту они уже стояли у наливайки – небольшого контейнера, где пышная, краснощекая

женщина лет тридцати пяти разливала всем охочим огненное пойло, от которого мужики, и без того пьяные, забывали все на свете. Это была их единственная радость на вечер. Выпив, они, как правило, тут же за углом, под этой самой наливайкой, облегчали свои желудки и опорожняли мочевые пузыри. Те, кто устоял, возвращались обратно, в осиновый улей за новой порцией яда, кто же был слаб телом и духом – падали где-нибудь поблизости и сладко засыпали в этом блаженном эдеме грез. Нередко здесь возникали жаркие, но короткие споры, заканчивающиеся дракой – продолжением горячего спора вскипевших и затуманенных сознаний с противоположным мнением. Тогда жильцы соседнего дома вызывали полицию. Но это мало помогало. Наливайку закрывали, но через пару дней она вновь распахивала объятия для своих почитателей, заманивая их в сети дешевым техническим спиртом, медленно убивающим своих ценителей.

Тимофей, убитый горем от неудачи, – он подсчитал, что на сбор капитала, если зарабатывать по двенадцать гривен в день, не считая траты на еду, у него уйдет минимум лет сорок, – соблазнился пойлом, решив поразмыслить в клубах дыма и эфирного спирта.

Евгений, как оказалось, по единому мнению собутыльников – местных пьяниц, был либо хворым, либо подлюкой. Евгений не обратил внимания на оскорбления собутыльников, его тошнило, болел живот, ныла от долгой ходьбы ступня левой ноги. Как оказалось, вонь от наливайки, а точнее от спирта, который там разливался, словно кисельное молоко у сказочного берега, он не мог перенести. Ему казалось, что если он вольет

эту вонючую гадость внутрь, то непременно умрет. Возможно, это от того, что Евгений в своей жизни ни разу не пил, в отличие от Тимофея, который был не прочь окунуться в дурманящий эфир, – хоть какое-то развлечение, помогающее всем этим пьяницам забыть хоть на время, как низко они опустились в обществе. Ниже их были лишь крысы, да и то – потому что они рылись по мусорной свалке в поисках еды, в целом же грызуны заботились о своей серой шерстке и жилище, держа их в чистоте, в отличие от этих бродяг, не желавших что-либо менять в своем бессмысленном существовании.

Когда Евгений дождался друга, вышедшего, сильно шатаясь, из наливайки, было уже темно. Промерзшими руками, полусонный, он подхватил Тимофея под руку, и они неуверенным шагом пьяного и утомленного поплелись, не всегда по прямой, по улице, освещенной редкой лампой, то выходя на призрачный свет с мелькающими от ветра тенями, то погружаясь во мрак, пытаясь разглядеть дорогу.

Конечно же, в этой темноте они не заметили группу из четырех юнцов, возраста сопливых подонков, которых подговорили взрослые люди – жильцы того дома, где под окнами каждый день разгорались пьяные вакханалии с продолжением второго действия на всю ночь.

Подростки были вооружены тяжелыми ботинками на ногах и несколькими битами в руках. Это оружие они собирались пустить против обидчиков их недовольных родителей и хорошенько проучить пьяниц, чтобы те более не являлись в их квартал, где теперь они, подобно неуловимой красной четверке мстителей, были хозяева-

ми и защитниками родного гнезда. Стая серых церберов, не способных мыслить по отдельности, но способных действовать сообща, ринулась на первую жертву этой ночи. Этой жертвой были Тимофей и Евгений. Подростки немного просчитались. Им не удалось окружить жертву, первого – Тимофея – они поколотили битами по спине, от чего тот лишь протрезвел и, быстро сообразив, что попал в беду, каким-то чудом вырвался из окружения и вылетел на проезжую часть. Водители сигналили, останавливали машины, и четверка преследователей отступила – слишком много свидетелей, опасно, – подумали они и скрылись в темноте. Вторая жертва – Евгений, упал на землю как подкошенный – ноги были слабы, да и ступня левой ноги болела. Увидев, что жертва упала и потеряла сознание, как они посчитали, четверка ярых малолеток бросилась на Тимофея, но тот вырвался, вопя на все горло как сумасшедший, на проезжую часть, и им пришлось довольствоваться «дохляком», как они выразились. Но, к их удивлению, «дохляк» исчез. В темноте они, словно дикие волки, стали прислушиваться и всматриваться в темные пятна на земле в надежде отыскать беглеца.

Евгений, оказавшись сбитым с ног, внезапно почувствовал облегчение, – наконец-то он лег. Но спать не пришлось, хоть тело и занемело во многих местах от уши-

бов при падении и от сильных ударов ног нападавших. Оставшись один, он, как это бывает в роковые минуты смерти, вдруг пришел в себя и понял, что попал в беду. Из темноты он видел, как четыре силуэта выбежали на освещенную часть дороги, где ехали автомобили, видел спасающегося, катающегося кувырком пьяного друга, видел, как четверка возвращалась, и с ужасом слышал их раздраженное и злобное дыхание, когда они начали усиленно искать его. Евгений поднялся на четвереньки и отполз за деревья и кустарники – хвала любви Господа к плодородию и бездействию зелентреста, – они там были в изобилии. Затем, видя, что четверка настроена решительно и упорно прочесывает местность, заглядывая во все кусты и кидаясь на все подозрительные тени, он осторожно поднялся на ноги, нывшие во всех местах, и, держась за дерево, осматривал путь к бегству. Ему показалось, что он нашел его. Неподалеку, всего в каких-нибудь ста метрах, была освещенная фонарем остановка, на которой стояла пара человек. Они могут вступить за него, подумал Евгений и ринулся галопом в темноту, преодолевая жуткую боль в ногах и спине, держась за правое предплечье, которое онемело от сильного удара, возможно, было сломано. Но добежать к светлому пятну в этой тьме он так и не смог. Он исчез с поверхности земли.

* * *

К его везению или на его беду, но в том месте, куда он направился сломя голову, спасаясь от жестоких подростков, была вырыта яма. В этом месте рабочие из водоканала вот уже три месяца назад вырыли глубокую – метра три в глу-

бину, яму и не зарыли ее, так как оказалось, что новых труб у них на складе не было. Пока рабочие ждали закупки городом новых труб, яма сияла во все свое земное горло. Днем пешеходы видели ее и обходили, проклиная безалаберность

коммунальных служб, а ночью она невольно служила западней, как это бывает на охоте на дикого зве-

ря. На этот раз в нее угодил молодой кучерявый паренек, не ведающий о ее коварстве.

5.

Очнулся Евгений в Еврейской больнице. Последнее, что помнила его перебинтованная голова, была ночь и жуткие крики друга. Его левая нога была также перебинтована, на нее был наложен гипс. «Вечно ей достается», – подумал Евгений, осматривая и трогая левой рукой наложенный на бедро гипс.

Кормили здесь хорошо, как показалось вечно голодному Евгению. Понравилась ему тепло и уют, мягкая постель с ласковой перьевой подушкой, теплое одеяло, которое он давно позабыл. Медсестры были строгие и ворчливые, недовольно поглядывающие на него и двух стариков, по-видимому, так же бездомных, кому посчастливилось оказаться в этом комфорте; нянечки, косо поглядывающие во время уборки комнаты одним глазом, как курицы, выражали брезгливое недоверие и осторожность, когда нагибались у кроватей бездомных пациентов, глядящих на них в оба глаза, словно они видели женщин впервые. Все, чем они могли заплатить, были слова благодарности, но и эти благодарные слова не слетали с уст стариков, вместо слов они лишь стонали, тяжело вздыхали, словно сегодня собирались умирать, и страшно храпели по ночам. Но ночью все это изобилие звуковых волн верхних басов и низких свистов доносилось лишь до молодого кучерявого парня, которому иногда удавалось засыпать под эту канонаду дикого храпа.

Врач, худая, раздраженная женщина лет тридцати, прoderжа-

ла Евгения на кровати две недели вместо сорока дней и выписала его, говоря, что коек в больнице не хватает и на лекарства нужны средства. В результате левая нога Евгения в области шейки тазобедренного сустава плохо срослась, и он стал прихрамывать. Поначалу ходить он вообще боялся, опасаясь падения и нового перелома, уж очень тонкое место было переломлено, но, используя палку, которую ему подарила одна из добросердечных нянечек, у которой палка осталась от ее покойного мужа, он стал передвигаться увереннее, но уже не с той скоростью, какой обладал до травмы.

Оказавшись один на улице, в холоде, подкравшемся вместе с зимой, без средств, без еды, слабый, медлительный, он почувствовал всю степень ограничений жизни, всю ее жестокость и безразличие к существу, ненужному обществу, лишнему, замедляющему темп жизни и уродующему ее прелести и новизну. Ему не хотелось жить, он проклинал ту ночь, когда выжил, вместо того чтобы окунуться в сладостный вечный покой и не видеть, не чувствовать физические страдания. Единственное, что его сдерживало от самоубийства, было желание его души, – не сознания, которое лишь страдало из-за физической немощи и боли, – еще раз прикоснуться к божественной музыке пустоты, которую он увидел внутри себя, почувствовал сердцем, что она существует и что стоит жить лишь ради мига прикосновения к ней.

Нянечка, так любезно подарившая ему палку покойного мужа, дала ему в придачу несколько старых вещей: куртку, свитер и ботинки. Последние были немного великоваты, зато не имели дыр. Эти подарки пришлось как нельзя кстати, так как в тот день, когда Евгения выписали из больницы, ударил мороз, и выпал снег по щиколотку.

Мороз был небольшой, да и снегу намело невелико, для горожан эта резкая смена серого на белое стала лишь забавой и радостью, но не для бездомных, которым приходилось ночевать прямо на улицах или в неотапливаемых заброшенных помещениях, где порой гулял вольный и безжалостный ветер.

В больнице дежурный врач дала ему адрес, где бесплатно кормили. Доковыляв, опираясь на палку, до улицы Базарной, он увидел голубоватое здание, расположенное неподалеку от храма. Здесь, в столовой для малоимущих, он смог поесть и согреться. К своему удивлению, встретил он здесь и Тимофея. Друзья долго обнимались, Тимофей расплакался. Вытирая влагу с лица и поминутно сопя носом, – видимо резкое похолодание не обошлось ему легко, – он рассказал Евгению, как вызвал скорую, сообщив людям на остановке о гибели друга. Когда обнаружил его в темной яме без сознания, подумал, что Евгений помер, что его убили эти подонки-малолетки. Люди сперва не верили, так как Тимофей был еще пьян, но потом один молодой человек позвонил в скорую помощь. В больницу Тимофея не пускали, но дали этот адрес на Базарной, сказав, что когда Евгения выпишут, а у них такие долго не задерживаются, то он непременно придет в эту столовую.

– Но это еще не все новости, – сказал в конце своего рассказа Тимофей. – Рядом есть храм, видел его?

– Видел.

– Там переночуем, а может, и останемся... – он подумал, затем чихнул, высморкался и продолжил: – пока не найдем жилье.

Так и поступили. Священник, к которому они подошли, согласился их принять на ночлег с условиями, которые сообщит им завтра утром. Угостив их бубликами, священник отвел их в небольшую комнату, где располагались три койки. Две они заняли, а третья пустовала. По коридору они видели женщин с платками на голове и несколько мужчин, сидевших на стульях у стен и тихо разговаривающих между собой. Женщины держали библию и как будто обсуждали какую-то главу из книги. В общем, здесь было уютно, тихо и даже мрачновато, как показалось Тимофею, привыкшему к городскому шуму. В десять тридцать свет везде потушили, и обитатели ночлега ложились спать. Легли и Тимофей с Евгением.

За окном, на котором висела занавеска с причудливыми узорами, разгулялся ветер, поднимая искрившиеся в свете уличной лампы снежинки и бросая их в окно, словно вызывая людей поиграть с ним.

– Ты не спишь? – тихо спросил Тимофей, прислушиваясь к тишине в коридоре.

– Нет, нога побаливает, – ответил Евгений.

– Что будешь делать, когда уйдем отсюда? Не нравится мне здесь.

– Почему? Здесь спокойно.

– Поп мне не понравился, больно хитрые у него глазки.

– Здесь кормят, жилье есть, тихо, – возразил Евгений.

– Ты видел этих мужчин и женщин? Какие-то забитые, дурноватые. Чувствую, что не выдержу этого.

– Завтра узнаем. Священник сказал о каких-то условиях.

– Ладно, посмотрим. Не понравится – уйдем. Я рад, что с тобой все в порядке. Жаль, что ты хромаешь. Долго это у тебя будет? Что сказали врачи?

– Не знаю, после рентгена врач решила меня выписать. Наверное, все зажило. Но я еще нетвердо могу ступать на левую ногу. Рука зажила за неделю, ушиб.

– У меня новое дело есть, – так же шепотом сказал Тимофей. – Собирать бутылки – это пустое, много не заработаешь. Я устроился грузчиком.

– Где?

– Рядом с Привозом, занимаюсь разгрузкой товара. Платят мало, но обещали увеличить, главное, чтобы не быть пьяным на работе. Когда нога у тебя заживет, вместе будем работать, лады?

– Лады, – согласился Евгений.

Утром, как и говорил, священник, молодой мужчина с черной бородкой лет тридцати пяти, в очках с серебряной оправой, приехал к храму на стареньком, но ухоженном Фольксвагене.

– Ну как, вам понравилось у нас? – спросил он, всматриваясь в сонные глаза ребят.

– Да, чисто, уютно, кормят, – сказал Тимофей.

– А условия такие: не пить, не курить, в общем, никаких вредных привычек. Сможете?

– Да, легко, – ответил Тимофей за обоих.

Священник посмотрел на Евгения, в глазах которого читалось безразличие, переплетенное с утомлением.

– Он вообще не курит и не пьет, – ответил Тимофей, поглядывая на друга.

– Это главные наши условия.

– А какие еще?

– Читать библию, молитвы учить, проводим уроки слова божьего. Вы ведь при храме будете жить. Может быть, станете когда-нибудь священниками.

– А какие развлечения здесь есть, кроме молитв?

Священник с иронией посмотрел на Тимофея.

– Игры разные, настольные, как потеплеет, устраиваем подвижные игры на свежем воздухе.

– О! – Тимофей похлопал по плечу друга и подмигнул ему. – Здорово!

– Есть у нас и мастерские, изготавливаем обувь, ремонтируем ее, – продолжил священник, видя, что ребятам его предложения понравились, – имеется швейный цех, но там в основном работают женщины.

– А... – Тимофей хотел спросить: много ли платят, но тут же осекся, догадавшись, что уют и тепло – не даром. «Вот она ловушка», подумал он.

– Что? – спросил священник, видя замешательство Тимофея.

– Ну, я никогда не шил и...

– А чем вы занимались? Что умеете делать?

– Я немного плотничал, умею штукатурировать, – ответил Тимофей.

– Это хорошо. Нам штукатурки также полезны. Для ремонта здания, – пояснил священник. – А вы, молодой человек, что умеете? – он посмотрел на Евгения, уныло свесившего голову.

Евгений молчал, не зная, что ответить.

– Ну не беда, и вам тоже найдется работа...

– Я когда-то играл на скрипке, – робко сказал Евгений.

– На скрипке? Хм, – батюшка задумался. Потом снял очки, протер их и сказал:

– У меня есть этот инструмент, дома. И хор есть при храме... да, – его осенила мысль, – ты можешь играть там, для прихожан. А давно ты играл?

– Не помню, давно, – ответил Евгений.

– Ну... – священник уже засомневался в своем предложении, – нот у меня нет. Что-нибудь придумаем. А сейчас позавтракайте и ждите в своей комнате. К вам придут.

Ждать было недолго, в десять тридцать в комнату вошла щупленькая женщина лет сорока, с худым продолговатым лицом и распущенными черными волосами, доходившими до плеч.

– Здравствуйте, молодые люди. Вы у нас новенькие? – сказала женщина, приятно улыбаясь.

– Вроде как, – отозвался Тимофей.

– Доброе утро, – сказал Евгений, добродушно ответив улыбкой.

– Ну, идемте за мной.

Они последовали за женщиной, вышли в коридор, поднялись по ступенькам на второй этаж и вошли в небольшую комнату, где стоял стол, стенной шкаф с книгами и папками, пара стульев и мягкий диван.

– Присаживайтесь, – приветливо улыбаясь, предложила женщина. Она сняла пальто, села за стол и вынула из ящика стола несколько листов бумаги.

– Будем знакомиться, – сказала она. – Меня зовут Елена Федоровна, я психолог. Как вас зовут?

– Меня Тимофей.

– Евгений.

– Очень приятно. Я хочу побеседовать с вами и с каждым из вас в отдельности.

– Окей, – улыбаясь и оголяя редкие желтые зубы, ответил Тимофей.

– Откуда вы о нас узнали? – был первый вопрос психолога.

– В больнице дали адрес, – ответил Тимофей.

– Вы были больны?

– Я нет, но Женя... у него была нога сломана... На нас напали и...

– Понятно. А как сейчас нога?

– Так, немного побаливает, – ответил Евгений.

– Без палки трудно?

– Да, пожалуй.

Между бровями женщины появилась короткая борозда, глаза сосредоточились, она внимательно оглядывала своих пациентов.

– Давайте теперь побеседуем наедине, – предложила она. – Я хотела бы начать с вас, Евгений. Уж больно вы мрачный какой-то, молчаливый.

– Это у него от непривычки, – ответил Тимофей, выходя в коридор.

– Я вас позову, куда не уходите.

– Хорошо, я буду ждать, – ответил Тимофей и закрыл за собой дверь.

– Евгений, располагайтесь поудобнее, – она надела очки. – Какова ваша фамилия?

– Паньков.

– Евгений Паньков, – повторила психолог, делая запись. Евгений, можно вас так называть?

– Да.

– Расскажите, пожалуйста, о себе.

– Что именно?

– Вы сейчас считаетесь бездомным, у вас нет ни жилья, ни документов. Мне нужны сведения о вас, но не только. Я хотела бы

узнать, что с вами произошло, как вы оказались в таких сложных условиях, есть ли у вас родные. Понимаете? Мы не только даем кров, еду, работу, но и хотим помочь вам вернуться в общество. Ведь вам тяжело жить на улице. А мы поможем вам. Но для этого я хотела бы узнать, что с вами произошло?

– Понимаю.

– Сколько вам лет?

– Двадцать пять, – ответил Евгений.

– Вы учились в школе?

– Да.

– Окончили ее?

– Да.

– Где-то вы еще учились?

– Два года в консерватории, струнные инструменты.

– Почему не окончили?

– Я... я оказался на улице... – тихо сказал Евгений, опустив голову на грудь.

Елена Федоровна почувствовала в его голосе волнение, очевидно, вызванное воспоминаниями.

– Евгений, я чувствую, что вы боитесь чего-то.

– Нет, не боюсь.

– Тогда не волнуйтесь, – она поднялась, подошла к Евгению, села рядом на диван. – Я вам помогу справиться с вашими страхами...

– А мне не страшно, – он посмотрел на нее.

– Ладно, верю, и вы мне все расскажете?

– Да, все, – спокойно, словно послушный мальчик, ответил Евгений.

Она вновь вернулась за стол, что-то записала, потом спросила:

– Мы остановились на вашей учебе в консерватории. Что же вам помешало ее окончить? Почему вы оказались на улице?

– Мы жили с мамой на четвертом этаже в однокомнатной

квартире, в доме из коричневого кирпича, – задумчиво ответил Евгений.

– А отец?

– Папа нас покинул, когда мне было двенадцать лет. После размена нам с мамой досталась эта квартира.

– Алименты он платил?

– Да, но нам денег все равно не хватало. Матери приходилось туго, она работала преподавателем в консерватории, преподавала историю музыки.

– Тебя родители били, наказывали?

– Что? А, нет. Ну, разве что, когда я ленился, то мать заставляла меня играть еще один час. Она была строгой, но меня любила.

– Так, а потом?

– Потом она начала болеть, ей приходилось очень трудно, лекарств не было. Я стал пропускать пары в консерватории. Поначалу она злилась, потом ей было не до меня. Тогда я решил ей помочь – в девятнадцать лет начал подрабатывать в соседнем магазине. Однажды я застал ее без сознания, вызвал скорую. Навещал ее... вернее, относил ей передачи. К ней не пускали, сказали, что она под капельницей и ей нужен покой. На восьмой день, когда я пришел с кульком фруктов в больницу – мне дали зарплату, мне сказали, что она умерла.

Евгений опустил голову на грудь и замолчал.

– И ты остался один. А отец?

– Я не ходил к нему, да и не знаю, где он живет. А деньги он перестал передавать на почту, я ведь уже вырос. О нем я ничего не знаю. Мать похоронил, помогли ее коллеги из консерватории.

– Так, а дальше?

– Однажды я сидел у подъезда на ступеньке. Я не знал, что мне делать? Ведь я был совершенно

один. Помню, что плакал тогда, много плакал.

– А дедушка с бабушкой?

– Они умерли раньше, когда еще с нами жил папа.

– Продолжай, пожалуйста.

– Ко мне подошел какой-то мужчина. Я плохо помню его лицо, помню лишь, что оно было изрыто какими-то жуткими ямочками, словно было вспахано. Говорил он ласково, будто знал мое горе. Он сказал мне, садясь рядом на холодную мраморную ступень: «Что ты плачешь, не так все плохо». Он предложил мне выпить. «Так не замерзнешь», – сказал он добродушно.

– А вы раньше пили?

– Нет, ну что Вы. Мать учила меня культуре во всем.

– И вы выпили?

– Да. Это было впервые. Больше я ни разу не пил, клянусь.

– Что же произошло дальше?

– Дальше я стал бомжом, – тихо сказал Евгений, смотря в голую стену.

– У Вас отобрали квартиру? – догадалась Елена Федоровна.

– Я даже не помню, как это произошло. На дверях был новый замок, внутри никого не было. Я долго звонил...

– Почему вы не обратились в полицию? Вам бы помогли.

– Не думаю. Наверное, я что-то подписал, когда был пьяный. У меня не было с собой даже паспорта.

– Что же вы решили делать? – спросила психолог, проникаясь трагедией и горем молодого человека.

– Потом я бродил, искал работу и... попал к цыганам. Через неделю мне удалось бежать. Так я оказался на улице.

6.

Уроки слова божьего никак не вдохновляли, не поддерживали и не переплетались ни с вольным духом Тимофей, ни с душой романтика Евгения. И ребята просто скучали, поглядывая уныло в окно, где белый пушок сменился на серую рыхлость.

Священник действительно принес для Евгения скрипку, сказав, что она досталась храму от одного покойного прихожанина. Но к разочарованию батюшки и тех случайных свидетелей, оказавшихся в гостинице и с уважением на лице, но с ужасом в глазах выбежавших из комнаты, игра Евгения не пошла. Не то скрипка была слишком старая и дряхлая, не то сам музыкант все позабыл, но его мелодии, если их можно так назвать, резали слух и разрезали мозг на две половинки, отделяя нейроны чувств и

рассуждений от нейронов, отвечающих за боль. Нейроны, которым было поручено управлять двигательной деятельностью, инстинктивно почувствовали, что им пора задействовать ноги и руки, чтобы наискорейшим образом покинуть обитель, где играла адская музыка, противоположная гармонии. Если все верующие покинули музыканта, то Тимофей, как истинный друг, остался. И не потому, что слуха у него не было, просто он наслаждался и радовался, что уроки божественной словесности и богословия так неожиданно окончились.

– Этот инструмент отпугивает, а не привлекает прихожан, – такой сделал вывод Тимофей после того, как он с Евгением остался одни в гостинице.

На что Евгений тут же ответил:

– Скрипка была расстроена.

Пальцы его дрожали, и он с удивлением безумца смотрел на них, не веря, что он вновь прикоснулся к инструменту.

Может, из-за игры, а может, по другой причине, но в этот вечер Тимофей заметил, что его и Евгения стали избегать, стараясь им не попадаться в коридоре. Оставив скрипку в гостиной, Евгений вернулся в свою комнату и до самой ночи не покидал ее, пропустив обед и ужин. Он лежал лицом к стене и не желал ни с кем говорить. Даже Тимофей напрасно пытался развеселить его. Так он и уснул в тяжелой печали и безрадостных воспоминаниях, мучивших его. Проснулся он от толчка в плечо, кто-то будил его, говоря шепотом:

– Проснись, нам пора.

Это был Тимофей. Он уже сложил вещи в сумки, к которым откуда-то взялись еще две поклажи. И пока Евгений протирал заspanные глаза, друг все ему поведал, рассказав, что и минуты здесь не останется, что ему здесь все осточертело. Почти сонный Евгений следовал за Тимофеем в предрассветном полумраке. Шли они молча по темному пустынному городу, освещенному уличными фонарями, по основным направлениям, то погружаясь в темноту, то выходя на мелькающий свет. Ночная зимняя прохлада окончательно пробудила Евгения и придала бодрости Тимофею.

– Помнят, помнят, мои ноженьки этот город! – радовался Тимофей, что вновь обрел свободу. – Хорошо, что не отвык от этой жизни вольной.

– Куда мы? – спросил Евгений, у которого урчал голодный живот. Только на свежем воздухе он почувствовал животный голод.

– К вокзалу, в сквер. Там наши.

– Надо было остаться до обеда, – сказал Евгений.

– Это еще зачем? Тогда нам труднее было уйти незамеченными.

– Мы бы поели, а потом...

– Ты голоден? Ах да, я и забыл. Нет проблем, – на ходу он поднял до плеч свою сумку. – Вот здесь находится твой обед и ужин. Неужели ты думаешь, что я забыл о тебе.

Еды оказалось намного больше, чем две порции на одного человека. Тимофей объяснил всей компании, когда они пришли на площадь и раскрыли сумку, что он незаметно собрал в нее оставленную без присмотра еду на других столах, – что успел, то и собрал. «Ведь не с пустыми руками уходить», – сказал он, показывая всем свои пожитки, или, вернее, «трофеи», – как он выразился.

Но в сквере на прежнем месте они не ночевали. С наступлением зимы вся компания перебралась ночевать в центр города, где пустовал заброшенный дом, находящийся в полуразрушенном состоянии вот уже полвека. Это был дом, в котором еще в тихом девятнадцатом веке останавливался на некоторое время известный русский писатель Николай Гоголь. То ли местные власти презрительно недолюбливали русского писателя, то ли из-за их равнодушия к культуре и халатности к своей работе, но заброшенное здание, обнесенное накренившимся и сломанным в нескольких местах забором, пустовало официально, а на деле в нем поселилась вся компания бездомных, пополнившаяся на несколько человек, – теперь их было восемь. По улице Гоголя пустовал еще один дом, он был расположен ближе к морю, но выбор остался за первым домом.

В эту ночь ударил мороз, да так неожиданно и сильно, что обитателям заброшенного здания пришлось разжечь огонь. Спать не пришлось, ибо лютый холод и зверский ветер, гулявший сквозняком между пустыми комнатами и зияющими дырами в потолке, не только пробуждал самого утомленного, но и, поначалу, кусал, грыз конечности, а потом и сковывал их так, что они могли и окаменеть, потеряв чувствительность к боли, за гранью которой терялась и гасла жизнь.

Боясь уснуть в ледяной крепости, новоселы двигались ближе к огню, прижимаясь друг к другу, и подбрасывали в огонь все, что находили в заброшенном здании. Сидеть без движения, без разговоров тоже невозможно было, и компания тихо переговаривалась, делясь новостями и мыслями, которыми они были богаты больше, чем материальным достатком.

– Нам бы тяжело пришлось без твоих шмоток, – заметил рыжеволосый молодой человек, прижавшись спиной к женщине.

– Они им не нужны, – пояснил Тимофей, оправдывая свой поступок. – У них есть, где жить.

– Молодец, что подумал о нас, – сказала женщина, послав Тимофею воздушный поцелуй.

– Ничего, переживем, – сказал пожилой мужчина-философ. – Не в первый раз, главное – быть всем вместе. Мороз сильнее каждого из нас, сильнее человека, но сообщаемы одолеем его.

На огонь был поставлен старый ржавый чайник, и вода в нем из-за холода никак не могла вскипеть.

– Ну что, нагрелась? – спросил старик, поглядывая на огонь мутными глазами, сморщив лицо от холода.

– Скоро, она уже теплая, – сказал молодой парень лет двадцати. – Еще немного, и у нас будет горячий чаек.

От этих слов старик поерзал на месте, словно стряхивая с себя острые зубы мороза, впившиеся в его спину.

– А здесь, что у тебя? – спросила женщина, указав взглядом на продолговатую сумку.

– А-а, это инструмент один, – пояснил Тимофей, вынимая из сумки скрипку и смычок.

– Ого! – удивился пожилой мужчина, – только она нам ни к чему.

– Я продать ее хочу на Староконном рынке, на барахолке или отнесу в комиссионку, где сувениры продают, – пояснил Тимофей. – Может, какой-то иностранец или любитель музыки возьмет.

– Выглядит как старинная, – заметил рыжеволосый молодой человек.

– А может, тебе за нее действительно заплатят огромные деньги, – сказала женщина. – Сводишь нас в ресторан, – она хотела засмеяться, но холод сковал ее губы, и усмешка получилась кривая.

– Или дом купишь нам всем, – сказал парень, – хоть за городом. Я буду на огороде работать. Станем продавать овощи и фрукты в городе. А что? – сказал он, глядя на сомнение, выраженное на лицах товарищей.

– Нет, не получится, – сказал пожилой мужчина, – она современная, да и лак у нее уже потрескался из-за плохого хранения. Максимум, Тимофей, за нее тебе дадут две бутылки вина.

– И то хорошо, – отозвался Тимофей.

Женщина повертела бесполезный для нее инструмент и передала его Евгению, который принял

его дрожащими руками. Те, кто это увидел, посчитали, что парень промерз так, что его руки уже начали испытывать тремор. Но на самом деле Евгений почувствовал трепетное волнение, прикасаясь к великому инструменту, который мог в руках мастера отразить неутомимую бурю человеческих страстей, прочитав самую тонкую, но режущую, как бритва, человеческую боль. Получив инструмент, столь дорогой для него, сколь дешевый для остальных, он почувствовал внутри себя приятное тепло, которое разливалось в нем, наполняя его члены приятной негой давно угасшего бездумного желанья прикоснуться к волшебному инструменту. Он взял скрипку в руки, но так небрежно, что мог и уронить, как показалось остальным, следившим за ним.

– Не поломай! – сказал Тимофей, вспоминая ту жуткую игру, которую он услышал в гостиной комнате, когда Евгений странным образом совершал непонятные ему действия над изящным инструментом.

– Можешь сыграть, но осторожно, – добавил Тимофей, вспоминая те жуткие звуки, которые издавала скрипка, напоминавшие скрежет металла попеременно с ночными завываниями кошек. – Хоть согреемся! – весело сказал он, принимая из рук женщины чуть теплую кружку воды, налитой из дымящегося чайника.

– Давай, сынок, музыка нам не помешает, – сказал пожилой философ, пряча голову в воротник куртки и окунаясь в раздумья.

Евгений выпрямился, сел удобнее. Его пальцы все еще дрожали, он сжал их крепко в кулак, потом положил скрипку на правое плечо, откинув воротник, прижал ее к подбородку, взял в левую руку смычок.

– Ого! – заметил пожилой философ.

Это же заметил и Тимофей, сказав с расстройством за друга:

– Да ты не в ту руку его взял.

– Впервые вижу скрипача-левшу, – заметил пожилой мужчина, не сводя с парня своего острого, внимательного взгляда пары мутных глаз.

Евгений медленно приложил смычок к струнам и стал плавно скользить по ним. Музыка, рожденная в его сердце, перенеслась в инструмент, и он наполнил заброшенные, пустые комнаты полуразрушенного, гниющего здания прекрасной мелодией. Это была музыка жизни, полная страсти, с ее извилистыми ходами, резкими скачками, богатая тончайшими звуками человеческой души.

Людям, слушающим её стало теплее, они сидели, замороженные игрой музыкального гения, который умел так тонко передать внутреннее содержание души человека, так точно отразить переменчивость настроений, глубину боли и безрадостность жизни. Каждый из компании увидел, почувствовал, услышал, узнал в этом безумном крике инструмента, вылетавшем из глубины деревянного тела, тяжесть жизни, боль своего сердца, терзающие муки души.

Пронзительное пение скрипки, этого удивительного инструмента, вырвалось наружу, долетело до соседних зданий и проникло сквозь толстые стены в грудь жильцов, наполняя их живительной музыкой, трогающей даже самые черствые, окаменевшие сердца. Услышав эту музыку, люди подходили к окну, выходили на балконы, выглядывали на улицу, где разгулялся холодный декабрьский ветер и скрипел от злости лютой мороз, прогоняющий из своих владений

все живое, все, что хранило в себе хоть толику тепла.

Руки музыканта, исполнявшие эти мелодии, двигались то плавно и медленно, то порывисто и судорожно, казалось, что ими овладел дьявол, что руки эти с длинными пальцами не подвластны холоду, что в них таится небывалая сила, которая только способна вселиться в слабое тело и сделать его нечувствительным к физической боли, ибо боль внутри этой рожденной в груди человека, пробудившейся силы во сто, тысячу раз сильнее ее. Живое обладает способностью создать боль большую, чем всякая неживая сущность, ибо оно способно прочувствовать рождение этой боли, подобно матери, порождающей новую жизнь.

Глаза Евгения были закрыты, но внутри себя он все видел. Благодаря музыке он еще раз вспомнил, вернулся в свое прошлое, когда ему еще было восемнадцать лет, когда он впервые полюбил. Его сердце, способное испытывать страдания, впервые почувствовало некое новое чувство, дарившее ему сладостную боль и небывалое наслаждение жизнью. Когда он впервые увидел ее, это милое девичье личико, окаймленное прядью вьющихся русых волос, эти синие глаза, в которых была отражена голубизна океана и глубина девственной чистоты, белая матовая кожа, изящная линия идеальной пропорции женского тела – все это околдовало юношу, и он влюбился. Влюбился так сильно, как только может любовная страсть овладеть сердцем и разумом молодого наивного паренька. Девушке, звали ее Катей, едва исполнилось семнадцать, она расцвела, как прекрасный весенний бутон розы, наполненный гармонией красоты форм

и свежестью весны. Катюша, – так он ласково называл ее, – так же полюбила его – этого худенького, стройного, кучерявого паренька с большими карими глазами, нежно смотрящими на нее. Два юных невинных взгляда этих детей встретились, и с тех пор их сердца объединились в одно пульсирующее, жаркое существо, имеющее право на существование, ибо сама природа объединила его, дала начало счастливой жизни.

Радость юного сердца Евгения, его счастье не было понято и одобрено матерью, желавшей для собственного сына иного счастья. Женщина сорока пяти лет, которая жила музыкой, в которой не зажглась искра гения, грезила о музыкальном будущем сына. Однажды, когда ему было еще пять лет, она впервые почувствовала, что ее сын отмечен небывалой силой, которой порой обладают гении. Она стала прилагать все усилия к тому, чтобы из мальчика вырос гениальный музыкант. И что не было дано ей природой, будет в ее сыне. С тех пор жизнь маленького Евгения превратилась в строгие правила, обязанность и постоянный труд. Время – вечно, оно всеильно, человеку же подарен миг жизни, и он вправе им владеть. Но Евгению, которого так любила эта женщина, не дали эту возможность – он не был хозяином времени. Все расписание делала ему мать, ограничив его даже в детских забавах, в играх на улице с другими мальчиками. Он рос в труде, в строгости, погруженный в музыку, в ноты, в бесконечные мелодии. И мать не ошиблась, разглядев даровитость сына, уже в девять он стал лауреатом конкурса молодых исполнителей. Потом он выиграл другой конкурс, куда его

пригласили, узнав о его способностях. Его стал обучать известный профессор консерватории, куда он ходил в школу. Легко он выиграл и зарубежный конкурс, куда были приглашены сильнейшие юные музыканты. Мальчик подрос и, казалось, уже мог бы стать хозяином своей жизни, но его слабый, взращённый матерью характер меланхолика оказался закрыт от мира людей. Мать оберегала его от всякой опасности, которая подстерегает любых наивных юношей, не имеющих жизненного опыта. Оставшись без мужа, предавшего ее и ушедшего к другой женщине, она стала еще строже, злобнее, недоверчивей, в ней проявилась женщина-тиран. Нет, она не обижала, не отыгрывалась на сыне за собственные неудачи, не била его, но своей строгостью, культурой, которую она считала главной в воспитании сына, нормой поведения сделала для слабого характером сына правилами жизни, границами, за пределами которых он мог погибнуть. Так он и жил – в узких, сжатых стенах ее власти. Лишь безграничные просторы и глубины музыки он мог видеть, порой заглядывая за их горизонты и мечтая однажды достичь их сердца, увидеть и почувствовать музыку, к которой не прикоснулся ни один музыкант.

Но однажды он встретил ее, самый очаровательный цветок жизни, и почувствовал внутри себя новое, небывалое чувство, – он влюбился.

Весь мир, в котором у него было множество запретов и запертых дверей, внезапно раскрылся перед юным созданием, как цветок перед пчелой. В нем проснулось бунтарство, он почувствовал природную силу, которой был наделен и которая была ограничена,

скована правилами и нормами. Он стал встречаться с этой девушкой, ничего не говоря матери. Разумеется, эти встречи требовали времени, и поэтому он стал пропускать некоторые пары, меняя скучные лекции на счастливые, полные жизни минуты встреч с девушкой.

Успеваемость его немного снизилась, и эти изменения моментально почувствовала мать. Он набрался смелости и всё рассказал матери, которой привык доверять, к которой был привязан с детства и которую любил, несмотря на всю ее строгость и деспотизм, ведь ее намерения были благими – она хотела для него благополучия и большого будущего в мире музыки.

Мать не спорила, она молча выслушала наивного мальчика, лишь узнала, как зовут девушку и где живет ее семья. Через пару дней она пришла в квартиру этой девушки, увидела обстановку семьи, познакомилась с ее родителями. Семья Кати была бедной, отец был сварщиком, а мать техничкой в библиотеке. Несмотря на то, что родители девушки очень любили свою дочь, рассказывая о ее хороших качествах порядочной девушки: трудолюбии, аккуратности, внимательности к родителям и младшему братику, ее добром сердце и чувствительной тонкой натуре, мать Евгения, выслушав их, не могла сдержаться и высказала им свою точку зрения – противоположную их. Так Катя превратилась в молодую особу легкого поведения, только и мечтавшую о замужестве, стремящуюся завладеть ее наивным мальчиком. Сказала она и о будущем, которого она желает для своего единственного сына. В общем, как она заметила, высокая культура ее интеллигентной семьи никак не сравнима с семьей

работяг низкого культурного уровня. На том и расстались. После этого тайного от сына визита, родители девушки не разрешили Кате встречаться с молодым человеком, посчитав, что какова мать, таков и сын.

Евгений читал записку от Кати, ничего не понимая. Она молча дала ему ее и убежала со слезами на глазах и болью в груди. Евгений не мог поверить в то, что там было написано. Поначалу он попросту не поверил написанному, потом, в тишине ночи, под одеялом, обдумал эти страшные слова о расставании, где не было ничего ровным счетом объяснено. Он твердо решил прийти к ней домой. Девушку он не увидел, но зато столкнулся с холодностью и раздражительностью матери, запретившей им встречаться. Оба были в том юном возрасте, когда бунтарство юности выступает в бой с покорностью родителям, которых они уважали, боялись и любили. Но, оказавшись более слабыми и неопытными существами, они проиграли эту битву и сдались настойчивым и опытным родителям. Мягкое и юное уступило твердому и зрелому.

Лишь однажды, совершенно случайно, Евгений встретил Катю. Их взгляды вновь сплелись. Это было на улице, где мимо них ходили прохожие, не обращая внимания на внезапно остановившихся друг напротив друга двух молодых людей. Они ничего не произнесли друг другу, но их глаза, в которых еще хранилась боль расставания, недосказанность, обида, ярко выражали беззвучное общение. Пропать, образовавшаяся между этими юными созданиями, впервые почувствовавшими нежные чувства и прикоснувшимися к счастью, оказалась для обоих непреодолимой. Если бы

хоть один из них мог перебросить канат на противоположный берег этой пропасти, то смог бы вновь объединить их сердца, но они были слишком слабы и привязаны к родителям и послушны им.

Больше он ее не видел. Хотя не раз прохаживался тихими вечерами у ее дома, с трепетом поглядывая в ее окна. Потом он узнал, что ее семья продала квартиру, разменяв ее на две. Куда уехали, никто из соседей не знал.

Евгений под кураторством и контролем матери смог выиграть еще несколько крупных музыкальных конкурсов и стал в музыкальных кругах общества известным и подающим большие надежды молодым дарованием. Он выиграл конкурсы, но проиграл счастье. В его игре на скрипке критики, жюри и профессора консерватории находили нечто новое в исполнении уже известных и не раз сыгранных мелодий. Его виртуозное владение инструментом трогало тонкие струны человеческой души, словно это исполняли не тонкие, изящные руки музыканта, а пела сама его израненная душа, полная страдания.

Спустя год его мать начала болеть, а потом скончалась в больнице. Врачи ничего не могли сделать. После смерти матери он ушел из консерватории, перестал играть. Скрипка стала для него невыносимой, как невыносима самая страшная мука. Он не прикасался к инструменту, но музыка всегда была в его груди. Она резала его сердце тихими ночами, когда он оставался в одиночестве, стараясь разорвать его на мелкие клочки. Так он стал самым несчастным человеком, в ком неукротимо, причудливо вился голос одинокой скрипки, к которой он боялся притронуться.

Когда игра была кончена, мелодия все еще звучала в сознании застывших слушателей. На лицах некоторых были слезы, у других слезы высохли давно, а слезное озеро превратилось в пустыню с многочисленными трещинами.

Женщина, сидевшая возле рывеволового молодого человека, услышала тихие шаги и открыла глаза. Ей показалось, что кто-то крадется по пустынному темному коридору. Она обернулась и увидела молоденькую девушку лет двадцати с небольшим. На ней был длинный свитер до бедер, голые ноги в ботинках, наспех надетых, перепутанные русые волосы, ниспадавшие к плечам. Вид у нее был встревоженный, а большие синие глаза что-то с беспокойством искали. Поначалу ей показалось, что эта девушка сумасшедшая, но когда она заговорила, то женщина догадалась, что эта девушка из соседнего жилого дома. Очевидно, ее разбудила музыка.

– Извините за беспокойство, – сказала женщина, ожидая скандала. – Я вас очень прошу не вызывать полицию. Мы здесь до утра, не больше, – сказала она девушке, стоящей в проеме и, казалось, не решающейся войти.

Но девушка вместо скандала лишь с каким-то полупустым, полубезумным взглядом внимательно осмотрела комнату, освещенную угасающим пламенем, чей желтый язык метался из стороны в сторону, управляемый сквозняком.

– Нет, нет, я вас не потревожу, – тоненьким голоском сказала девушка. – Это вы извините за беспокойство.

И она медленно и уныло, свесив голову, развернулась, собираясь уйти.

– Просто показалось, – сказала она шепотом самой себе. И напоследок она повернула голову, чтобы еще раз извиниться за ночной визит, как вдруг ее взгляд упал на небольшой продолговатый предмет, чья гладкая поверхность отсвечивала желтый огонек.

Девушка развернулась и порывисто сделала пару шагов к молчаливо сидящей без движений компании бездомных и тут неожиданно остановилась, словно не решаясь, как будто ее коснулось сомнение, которое ее же пробудило вначале.

– Это скрипка у вас? – сказала она неуверенным голосом.

Женщина проследила за ее взглядом и повернула к ней голову.

– Да, – произнесла женщина, чьи глаза, осматривая всех присутствующих, как будто что-то искали.

– На ней... да, я думаю, что на ней, кто-то только что играл, – неуверенно произнесла девушка. – Я не могла ошибиться, ведь я слышала ее раньше, – сказала она более уверенно.

– Это моя скрипка, – сказал Тимофей, открывая глаза.

Полуобнаженная девушка сперва безумно впиалась парой синих глаз в Тимофея, а потом, видимо, разочаровавшись, опустила глаза, скрывая какую-то грусть, всплывшую в них.

В этот момент, где-то в темных коридорах здания послышался басистый мужской голос, встревоженный:

– Катя, ты здесь, отзовись! – мужчина кого-то искал, он не раз назвал имя, бродя по пустому заброшенному зданию, чертыхаясь всякий раз, как ударялся в темноте о какое-то препятствие. Его тревожный, грубый голос послышался совсем близко, и вскоре в коридоре забегал луч фонарика.

– Вот ты где! Ты с ума сошла! Что ты здесь делаешь?! – сказал мужчина басом за ее спиной, пробуждая сидящих полукругом у огня временных жильцов дома.

В проеме показалось заросшее лицо мужчины лет сорока, с брюшком, в меховой куртке и шапке.

– Если бы не соседи, я бы не догадался, где искать... – он стоял позади девушки с широко открытыми глазами, ничего не понимая. В этих черных округлых глазах было отражено крайнее удивление с безумным ужасом.

– Что все это значит, дорогая? Кто эти люди? – он, кажется, начал уже догадываться о статусе этих молчаливых застывших фигур, греющихся у огня и нашедших приют в заброшенном здании, но все еще не понимал, что делает здесь его жена, посреди ночи.

– Боже, да ты же голая! – с тревогой сказал он, глядя на ее обнаженные хорошенькие ножки. – Меня тоже что-то разбудило. Соседи сказали, что это...

– Я приду сейчас, – перебила его девушка. – Иди, – умоляюще сказала она, глядя ему в глаза. И, обернувшись к сидящим и ничего не понимающим людям, она тревожно стала искать глазами что-то или кого-то.

– Я уже вызвал полицию! – с недовольством сказал мужчина. – Они больше не потревожат нас. Идем! – уже раздраженно сказал он голосом, не терпящим возражения. Он снял меховую шапку и накрыл ею голову девушки. Обняв ее за талию и взяв за руку, он увлек ее в темный коридор. Девушка опустила голову и покорно пошла с ним.

– Ты совсем с ума сошла! – слышался его бас в глубине здания, отражаемый эхом. – Ты дверь

открыла. А если бы... Зачем ты убежала на улицу, глупая?

Вскоре этот голос исчез, и вновь послышалось завывание вьюги, разгулявшейся на улице.

– Надо дров добавить, – сказал кто-то слабым голосом.

Женщина все еще глазами искала одну тень, один силуэт. Она насчитала семь лиц, освещенных пламенем, всматриваясь в каждое, – не было Евгения.

Тем временем молодой человек с кучерявыми спутавшимися волосами, чьи колечки то прижимал, то взъерошивал ветер, сидел в одиночестве у самой крыши, на чердаке в полумраке. Слабый свет уличного фонаря осторожно проникал в слуховое окно чердака. Молодой человек смотрел на заснеженную темную улицу, где разгулявшийся зловещий, безжалостный ветер метал снежинки во все стороны, играя с этими рыхлыми семенами, брошенными небом, словно безумным сеятелем.

Тяжелая жизнь, к которой он уже привык, стала для Евгения нормой. Он опустил на дно этой жизни и прекрасно понимал, что обратно подняться он не сможет, уж очень долго он спускался, отказываясь от спасения.

Когда Евгений закончил свое исполнение на скрипке, он положил инструмент рядом с Тимофеем, который, как и все слушатели у огня, закрыл глаза, чтобы душевное наслаждение, появившееся в нем, не разбудило его от дремы, где он видел чудесные кадры сна и где был счастлив. Евгений в тишине, в которой играла фантазия за закрытыми глазами слушателей, не замеченный никем, потому что все сидели или лежали на боку с закрытыми глазами, продолжая слушать уже свою

фантазию, рожденную чудесными звуками скрипки, вышел из комнаты и поднялся в темноте на самый верх здания, где оказался в одиночестве.

Но еще в коридоре он с трепетным ужасом прижался к холодной стене, прячась от самого себя. Ему показалось, что он услышал знакомый голос, от которого в нем все зашевелилось, затрепетало в каком-то зловещем, беспощадном безумстве. Ему показалось, что этот голос выскочил из его груди и сейчас гуляет, как призрак, в мрачных заброшенных помещениях. Он закрыл уши, чтобы не слышать, и опрометью бросился прочь, туда, где он будет один, где не будет боли, где он сможет предаться тем новым необычным для него ощущениям пустоты, к которой он чуть прикоснулся, исполняя свое соло на скрипке. Там на чердаке, в полном одиночестве, он все еще прижимал ладонями уши, боясь разжать руки. Больше всего на свете он не хотел, чтобы его Катя, которую он когда-то полюбил всем сердцем, хоть на миг страдала из-за него. Он знал, что она где-то существует, верил, что она счастлива. Он благодарил судьбу, что они ни разу не увиделись, ведь своим внешним видом и тем состоянием жизни, в котором он пребывал все эти годы, он мог ранить ее сердце и сделать ее несчастной. Пусть она вечно живет в его груди, думал он, сжавшись от лютого холода, от которого он уже не чувствовал конечностей.

Как для влюбленного нежные чувства греют душу и тело, так несчастный человек согревался те-

плыми, сладостными воспоминаниями, которые незаметно для него перешли в фантазии. Теперь он уже совершенно отчетливо, как полагал, ясно видел ее образ, скрывавшийся под белоснежной, тонкой вуалью снежной пыли. В этом своем зимнем серебристом наряде она была еще прекраснее. Ее бледное, худое личико было украшено золотистой россыпью вьющихся волос, а ее манящие, полные нежности и любви глаза сверкали в этом блеске подобно двум синим бриллиантам. Ему показалось, что она ему что-то говорит, ласково глядя ему в глаза. Он протянул ей слабеющую руку, совершенно не ощущая боли от холода. Напротив, он почувствовал внутри себя и кругом тепло, которое, как будто зарождалось в его груди, наполняя его безжизненную оболочку божественным теплом, легким и приятным.

В его груди вновь, сначала отдаленно, но потом все отчетливее послышались звуки скрипки, которые он недавно порождал в сердце музыкального инструмента. Он словно слился с этим предметом, заменив его, – руки превратились в струны, а тело в дерево скрипки, где в глубине нашла пристанище его душа. Теперь он почувствовал тишину и покой, отдав себя во власть вечной пустоты, о которой так мечтал.

Его холодный, окоченевший труп, прислоненный к крошечному окну чердака, был обнаружен утром его другом. Стекло карие глаза Евгения смотрели на улицу и все еще казались живыми, а на устах теплилась едва заметная загадочная улыбка.

